

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Рустем Кадыржанов

Поддержание межэтнической стабильности относится к числу важнейших задач национальной политики полиэтнического государства. Казахстан относится к числу полиэтнических обществ, в котором, кроме коренного народа – казахов – проживают другие этнические группы. Одной из главных проблем полиэтнических обществ является поддержание стабильности отношений между этническими группами, предупреждение конфликтов между ними и их разрешение в случае возникновения.

На качественно более высоком и сложном уровне стоит задача национальной консолидации, или национального строительства полиэтнического общества, представляющая собой его трансформацию в единое надэтническое сообщество, объединенное едиными политическими и культурными институтами, символами и ценностями.

Распад СССР привел к межэтнической напряженности и конфликтам в бывших советских республиках. В результате межэтнических конфликтов Азербайджан, Грузия и Молдова потеряли часть своей территории, Таджикистан пережил кровавую гражданскую войну, в Кыргызстане прошли межэтнические столкновения с применением насилия и многочисленными жертвами, в самой России в 1990-е гг. дважды вспыхивала чеченская война и до сих пор на всем Северном Кавказе сохраняется высокий уровень этнического сепаратизма и экстремизма. Межэтнические противоречия и сепаратизм стали причиной войн между Азербайджаном и Арменией в начале 1990-х гг., между Грузией и Россией – в 2008 г.

На этом фоне Казахстан выглядит островком межэтнической стабильности и благополучия. За весь постсоветский период в республике не произошло сколько-нибудь серьез-

ных межэтнических столкновений, которые могли бы повлиять на социально-политическую стабильность государства и общества. Основываясь на достижениях своей национальной политики, государство всячески пропагандирует «казахстанскую модель межэтнической стабильности и согласия» – как внутри страны, так и за ее пределами. Политика государства по поддержке межэтнической стабильности получила высокую оценку международных институтов, в частности, ОБСЕ и Верховного комиссара по делам национальных меньшинств Европейского союза [1].

Следует отметить, что в национальном вопросе в современном Казахстане наблюдается определенная преемственность – в советский период в многонациональной республике также наблюдался высокий уровень межэтнической стабильности. За это Казахстан, в котором проживали представители 130 национальностей, неизменно получал высокие оценки от советских руководителей, прежде всего, от Л.И. Брежнева, который в 1970-е гг. называл Казахстан «лабораторией дружбы народов» и ставил в пример другим республикам.

Несмотря на это, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. многие западные эксперты и аналитики рассматривали Казахстан как весьма вероятную арену этнических конфликтов и противостояний в постсоветский период. Эти конфликты должны были разгореться, по их мнению, прежде всего, между ведущими этническими группами – казахами и русскими. Среди причин возможных этнических конфликтов в Казахстане можно выделить следующие.

Первую причину можно условно назвать «постимперским синдромом». Это связано с тем, что на Западе многие эксперты рассматривают Советский Союз как империю, а Казахстан и другие союзные нерусские республики – как его колонии. Как показывает мировая практика, распад империи приводит к массовому выезду имперской нации из колонии в метрополию [2]. Та же часть имперской нации, которая осталась в бывшей колонии, испытывает давление со стороны элит и националистических организаций колонизованного народа, и если

к власти приходят радикальные националисты, то начинается конфискация земли и других видов капитала, что делает жизнь для этих людей невыносимой. Об этом свидетельствует опыт Африки, в частности, Зимбабве.

В определенной мере постимперский синдром действительно имел в Казахстане место, когда в первой половине 1990-х гг. полтора-два миллиона русских покинули республику и эмигрировали в Россию. В то же время, необходимо иметь в виду, что основная часть русских, 4–4,5 миллиона человек, никуда не уехала, оставшись в Казахстане и рассматривая его как свою родину. Как и другие народы Казахстана, русские заинтересованы в поддержании межэтнической стабильности в обществе и, прежде всего, в отношениях с казахами.

Вторая причина возможных этнических конфликтов в постсоветском Казахстане может быть так же условно, как и первая, обозначена как «столкновение цивилизаций». Казахи относятся к тюрко-мусульманской цивилизации, тогда как русские – к восточно-христианской, православной. Иначе говоря, казахи и русские принадлежат к различным цивилизациям, и Казахстан, согласно типологии автора концепции столкновения цивилизаций, Самюэля Хантингтона, относится к категории «расколотых» стран. Цивилизационные разделения и сопровождающее их напряжение, отмечает Хантингтон, часто приводят к тому, что основная группа, принадлежащая к одной цивилизации, пытается определить страну как свой политический инструмент и сделать свой язык, религию и символы государственными, как это попытались сделать индуисты, сингалы и мусульмане в Индии, Шри-Ланке и Малайзии [3].

Более того, подчеркивает Хантингтон, расколотые страны, разделенные линиями разлома между цивилизациями, сталкиваются с особенно серьезными проблемами по поддержанию своей целостности. В Судане на протяжении десятилетий велась гражданская война между мусульманским севером и преимущественно христианским югом [4]. Сегодня, как мы знаем, Судан в результате этой войны действительно разделен на две страны – Судан и Южный Судан.

К счастью для Казахстана, культурное разделение этнических групп не сопряжено с их территориальным разделением. Культурно-цивилизационные различия народов Казахстана не ведут к этническим конфликтам. Однако цивилизационное различие казахов и русских сказывается в том, что между основными этносами Казахстана существует наблюдаемое культурное разделение, которое, к счастью, не принимает каких-то экстремальных форм. Тем не менее, нельзя не отметить, что, если из Казахстана, как было сказано выше, в 1990-е гг. выехали полтора-два миллиона русских, то из цивилизационно близких к ним Украины или Белоруссии в этот период или позже сколько-нибудь массового выезда не было.

Третья причина возможных этнических конфликтов связана с биполярной демографической этноструктурой Казахстана. Биполярной называется демографическая структура, в которой две этнические группы приблизительно равны по своей численности и преобладают над другими этносами в общем населении страны. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., Казахстан мог быть отнесен к биполярным обществам: казахи составляли около 40%, а русские – около 37% населения республики, тогда как немцы – менее 6%, а другие этносы – и того меньше [5].

Биполярные общества встречаются в мире не так часто, но практика показывает, что они содержат в себе высокий конфликтный потенциал. Это связано с тем, что две ведущие этнические группы вступают в отношения конкуренции за доминирование в политической, экономической, культурной и иных сферах. Конкуренция этносов нередко перерастает в кровопролитные конфликты, ставя под угрозу само существование государства. На Кипре, население которого состоит из греков и турок в приблизительно равной пропорции, столкновение основных этнических общин в 1974 г. (с вмешательством Турции) закончилось разделением страны на Северный (турецкий) Кипр и Республику Кипр (греческую часть острова). В Руанде столкновения, произошедшие в 1994 г. между основными этническими группами – хуту и тутси – спрово-

ждались кровопролитными боями, этническими чистками с колоссальным числом жертв в один миллион человек.

Помимо Казахстана, биполярным постсоветским обществом была в 1990-е гг. и до сих пор остается Латвия. Следовательно, в этих постсоветских государствах существовал потенциал серьезных этнических конфликтов. С целью изучения возможности этнических конфликтов в Казахстане и Латвии группа ученых во главе с норвежским этнополитологом Полом Колсто провела в 1990-х гг. сравнительное исследование в двух странах, результаты которого были опубликованы в книге «Национальное строительство и этническая интеграция в постсоветских обществах. Исследование Латвии и Казахстана», вышедшей в 1999 г. в США [6].

Главный вывод, к которому пришли Колсто и его коллеги, состоял в том, что, несмотря на биполярную этнодемографическую структуру, ситуация в Латвии и Казахстане отличается достаточно высоким уровнем межэтнической стабильности. Хотя, как отмечает Колсто, с момента обретения независимости этнические вопросы играют очень важную роль в политике обеих стран, в то же время, к сегодняшнему дню обе страны в значительной мере избежали межобщинного насилия, вспыхнувшего во многих других постсоветских государствах. В отличие от других государств с биполярной этнической системой и в противоположность многим другим посткоммунистическим странам Восточной Европы, с самого зарождения в период перестройки движения национального возрождения «Атмода» в Латвии не произошло ни одного этнического конфликта, повлекшего насилие. Аналогичным образом, несмотря на этнические выступления в декабре 1986 г. в Алма-Ате, руководство Казахстана смогло представить свою страну как оазис стабильности во взрывоопасной азиатской части бывшего Советского Союза. Официальная казахстанская пропаганда стремится укрепить среди своих граждан надэтническую гражданскую идентичность. Тем не менее, в Казахстане и Латвии сохраняется достаточно острая напряженность между двумя главными культурно-языковыми группами [7].

Цель возглавляемой Колсто группы, обнародованная в книге, состояла в том, чтобы опровергнуть на примере Казахстана и Латвии «тезис Горовитца» о том, что биполярные общества неизбежно впадают в конфликт. Это опровержение, как считает Колсто, может быть объяснено различным образом: Казахстан и Латвия могут быть исключением, которое подтверждает правило; возможно, ситуация в этих странах еще не дошла до той точки, с которой в биполярном обществе начинается требуемая тезисом Горовитца динамика; этот тезис, как заключают авторы на основе проведенного в книге анализа, нуждается в определенной модификации [8].

Наконец, четвертая причина возможных этнических конфликтов в полиэтническом и поликультурном Казахстане, предрекавшихся западными экспертами в начале 1990-х гг., вытекает из стремления к культурному доминированию ведущих этнических групп казахстанского общества, что хорошо вписывается в теоретическую схему широко распространенной в этнополитической литературе концепции «культурного плюрализма». Эту концепцию в 1940-х гг. выдвинул британский ученый Дж.С. Фернивалл на основе изучения им колониального опыта Юго-Восточной Азии. Тридцать лет спустя она была более детально разработана М.Дж. Смитом и другими учеными, однако поначалу была встречена научным сообществом со скепсисом. Постепенно концепция культурного плюрализма становилась все более влиятельной, поскольку, как отмечает А.А. Прусаускас, открывала наиболее перспективный путь исследования этнополитических процессов. Достоинство этой концепции состояло в том, что она позволяла принимать во внимание такие важные аспекты полиэтничного общества, как качество этнического многообразия, или степень социокультурных различий между отдельными этническими группами, совместимость их политических культур и т. д. [9].

Вместе с тем, культурные различия полиэтничного общества сопряжены с этническими конфликтами, поскольку различие культур означает различие их ценностей, символов, норм поведения, которые могут противоречить друг другу и

вызывать недовольство членов групп в тех случаях, когда такие противоречия происходят. Таким образом, там, где культурно разнородные группы оказываются в одном обществе, необходимость поддержания порядка требует подчинения одних групп другим. Такое подчинение в культурной сфере означает ни что иное, как ассимиляцию. Но политика ассимиляции очень часто вызывает сопротивление тех, против кого она направлена. Следовательно, нестабильность и этнический конфликт являются неизбежными спутниками плюрального общества [10].

В принципе, концепция культурного плюрализма в определенной мере схожа с концепцией столкновения цивилизаций, в особенности, в применении к Казахстану. Отличие первой от второй состоит в том, что концепция культурного плюрализма предполагает подчинение и ассимиляцию одних этнических групп другими, тогда как концепция столкновения цивилизаций не заостряет на этом внимания. Логично было бы предположить, что культурный плюрализм в Казахстане, поддержанный государством (которое в соответствии с этой концепцией должно рассматриваться как казахское в этнокультурном смысле), приведет к доминированию казахов в культурной сфере, стремлению к ассимиляции других национальностей и их сопротивлению этому, что станет причиной конфликтов между казахами и нетитульными этносами, в первую очередь, русскими.

Развитие событий в Казахстане в постсоветский период не пошло по сценарию концепции культурного плюрализма. В целом, ситуация в сфере культуры и языка не подверглась серьезному изменению в сравнении с советским периодом, – по-прежнему доминируют русский язык и культура и информация на русском языке. Государство, поддерживая развитие казахского языка, казахской культуры и системы образования на казахском языке, не делает этого, однако, в ущерб статусу, сложившемуся еще в советский период. Такая национальная и культурная политика государства рассматривается как обеспечивающая межнациональную стабильность в казахстанском обществе, причем немалую роль в такой интерпретации этой политики играет само государство.

По логике концепции культурного плюрализма действуют казахские национал-патриоты, которые призывают к доминированию казахского языка и казахской культуры и ассимиляции других народов Казахстана (Гали). Национал-патриоты обвиняют государство за слишком большие, по их мнению, уступки русскому языку и русской культуре и видят в этом главную причину неудачи казахского языка в достижении им декларируемого в Конституции статуса государственного языка. Большая часть казахстанского общества, да и государство оценивают такие призывы национал-патриотов как дестабилизирующие межнациональный мир и согласие [11]. Поэтому призывы национал-патриотов не оказывают серьезного влияния на национальную ситуацию в Казахстане, не являются причиной ее изменения в направлении концепции культурного плюрализма с ее требованиями подчинения и ассимиляции одних групп другими.

В чем же заключаются причины межнациональной стабильности в Казахстане? Почему, несмотря на объективные предпосылки, национальная ситуация в полиэтничном и поликультурном казахстанском обществе не развивается по сценарию концепции культурного плюрализма?

Популярным объяснением этого феномена является толерантность казахстанского народа, терпимость и уважение этносов к языкам и культурам других национальностей. Особая заслуга в проявлении толерантности к русским и другим народам Казахстана и их языкам и культурам принадлежит, по мнению государственных деятелей, СМИ и политологов, казахскому народу, демонстрирующему этим свое гостеприимство и другие достоинства своего национального характера. Не все, однако, это объяснение принимают. Казахские национал-патриоты спрашивают: почему только казахи должны быть толерантными и давать русскому языку приоритет в культурно-языковой сфере? Почему русские не признают статус казахского языка, закрепленный в Конституции и законах Казахстана?

Толерантность является политико-идеологическим объяснением межэтнической стабильности в современном Казахстане. Она сродни интернационализму, которым объясняли

«межнациональное согласие и сближение народов» в советское время. Для научного понимания феномена межэтнической стабильности в постсоветском Казахстане такого объяснения, конечно, недостаточно. Очевидно, определенные элементы толерантности в самом деле в межэтнических отношениях проявляются, однако они не могут быть приняты в качестве конечной причины межэтнической стабильности в республике. Этническая толерантность сама должна быть объяснена на основе других, более фундаментальных и универсальных факторов, определяющих систему отношений в полиэтничном и поликультурном обществе, принятых в этнополитической теории.

В качестве главной причины межэтнической стабильности и отсутствия политики культурно-языковой ассимиляции нетитульных этносов в современном Казахстане мы видим негласный договор между казахами и русскими, своеобразный социальный контракт между ними о разделе сфер влияния в казахстанском обществе. В соответствии с этим негласным договором, казахи принимают доминирование русских в культурно-языковой сфере, а русские отдают казахам пальму первенства в политической сфере Казахстана. В этом состоит основное утверждение нашей работы, и его мы хотели бы обосновать, проследив отношения казахов и русских – как в советское время (когда этот негласный социальный контракт был заключен), так и в период независимости – в контексте национальной политики государства.

Такие социальные контракты на самом деле – не такое редкое явление в мировой практике межэтнических отношений в полиэтничных и поликультурных обществах. Например, в Малайзии, отмечает Дональд Горовитц, многие китайцы разделяют взгляд, что малайцы – в силу того, что являются коренным народом – должны быть первыми среди равных в политической системе. Этот взгляд формировался медленно, но последовательно. На протяжении десятилетий колониальная политика, условия китайской иммиграции, желание китайцев вернуться в конечном счете домой способствовали укреплению этого взгляда. Даже после обретения Малайзией независимости партийные лидеры китайской диаспоры призывали

к сдержанности, утверждая, что политической легитимности можно добиться скорее через союз с малайскими партиями, а не через организацию и действия на чисто китайской основе. Признание китайскими лидерами факта, что без малайской политической элиты никакая власть в Малайзии не будет обладать легитимностью, позволило малайцам смягчить подозрения относительно намерений китайцев. Что еще важнее, это дало возможность ограничить вероятность конфликта, который был бы неизбежен в случае ничем не сдержанного вызова китайцев малайскому доминированию в политической сфере и бескомпромиссного требования немедленного политического равенства [12].

Приведенный пример Малайзии представляется нам очень важным для понимания социального контракта в Казахстане. Несмотря на очевидные культурные, исторические, цивилизационные и иные различия Казахстана и Малайзии, можно указать на заметные структурные сходства двух стран. И Казахстан, и Малайзия относятся к биполярным обществам: если в нашей стране ведущими этносами являются казахи и русские, то в Малайзии – малайцы и китайцы. При этом коренные народы обеих стран оказались модернизационно более отсталыми по сравнению с пришлыми народами – русскими и китайцами, соответственно. Это дало последним преимущества в экономической, культурной, политической и иных сферах над коренными народами Казахстана и Малайзии. Однако социальные контракты между казахами и русскими в Казахстане и между малайцами и китайцами в Малайзии резко ограничили вероятность этнического конфликта между ведущими этническими группами. Отсутствие же таких социальных контрактов в других биполярных обществах привело к кровопролитным конфликтам и столкновениям.

В Малайзии социальный контракт между малайцами и китайцами привел к установлению политического доминирования коренного народа в политической сфере, тогда как китайцы доминируют в экономической сфере, контролируя 70% экономики страны. Как результат, каждый из народов страны господствует в своей сфере доминирования, избегая тем са-

мым столкновений в каждой из этих сфер. Рычаги управления в политической сфере позволили коренному народу добиться успехов в образовательной, культурной и других сферах и повысить тем самым свою конкурентоспособность, в том числе в экономике, что привело к росту материального благосостояния малайцев и расширению прослойки предпринимателей в их среде. Но ключевые позиции в экономике Малайзии, как уже было сказано, принадлежат китайцам.

Возвращаясь к Казахстану и утверждая, что в нем существовал и до сих пор существует негласный социальный договор между казахами и русскими, обеспечивающий стабильность отношений между ними, зададимся вопросом: когда этот контракт возник и утвердился? По нашему мнению, его действие началось во второй половине 1960-х гг. и продолжалось до распада СССР. В постсоветский период социальный контракт между казахами и русскими был как бы перезаключен на новых условиях и действует по сей день. Динмухамед Кунаев был той исторической фигурой, которая олицетворяет собой этот социальный контракт в советский период, так же как Нурсултан Назарбаев олицетворяет этот контракт в постсоветский период.

Казахская автономная республика в составе РСФСР, которую можно рассматривать как прообраз национальной государственности, была образована в августе 1920 г. С этого времени и до распада СССР республику возглавляли тринадцать человек, однако до Д. Кунаева, впервые ставшего первым секретарем ЦК Компартии Казахстана в 1959 г. и после двух с половиной лет перерыва вновь возглавившего республику в январе 1965 г., только один казах, Жумабай Шаяхметов, был первым руководителем Казахстана – в 1946–1952 гг. Поэтому до Д. Кунаева говорить о доминировании казахов в политико-государственной системе Казахстана было невозможно. Хотя в руководстве Казахской республики казахи были, однако, никто из них не руководил партийной организацией, а ведь именно партия назначала кадры на те или иные должности и через них определяла свою политику.

Конечно, в условиях тоталитарного централизованного режима не было большого значения, кто возглавляет пар-

тийную организацию республики – казах или представитель другой нации. В любом случае, человек на этом месте обязан был проводить политику центра. Однако национальность руководителя республики имела значение для коренного населения, особенно в Центральной Азии, где и после революции клановые и местнические отношения определяли этническую структуру руководящих органов. Наглядно это проявилось в 1960-е гг. и последующие десятилетия.

Одной из главных целей коммунистического режима в Средней Азии и Казахстане было искоренение традиционных институтов и структур, в первую очередь, трайбализма и местничества. Особенно жестко борьба с ними велась при Сталине и присылаемых им из Москвы наместниках. Наибольшей жестокостью и катастрофическими результатами отличалась руководимая очередным назначенцем Сталина Ф. Голощекиным кампания «Малый Октябрь» конца 1920 – начала 1930-х гг., в ходе которой была осуществлена седентаризация казахов, коллективизация и ликвидация кулачества и баев в казахском ауле. Эта кампания имела трагические для казахов последствия, в ходе вызванного ею массового голода погибли 1,5–2 миллиона человек.

Казахи были коренным народом Казахстана, но для большевистского режима в плане выбора руководства республики это не имело никакого значения. Скорее, наоборот, присылаемые из других республик назначенцы Москвы гораздо лучше справлялись с теми целями, которые режим ставил в отношении Казахстана. Такое управление союзным центром Казахстана создавало у местного населения, в первую очередь, у русских, но также и у казахов представление, что республика представляет собой регион полного русского влияния.

Д. Кунаев находился во главе Казахстана двадцать пять лет. Это, конечно, достаточно длительный исторический период, который оказал влияние на политическое сознание общества. В течение этого периода в общественном мнении сложилось устойчивое представление, что Казахстан вполне способен возглавлять казах. Именно это представление послужило, на наш взгляд, основой социального контракта между казахами

и русскими, в соответствии с которым произошло разделение сфер влияния. Казахи признали за русскими доминирование в культурно-языковой сфере, а русские признали за казахами доминирование в политико-государственной сфере.

Социальный контракт русских и казахов стал следствием другого негласного договора, заключенного между Москвой – как союзным центром и Алма-Атой – как республиканским центром. Этот договор персонализировался в фигурах Л. Брежнева и Д. Кунаева, которых связывали долголетние тесные дружеские отношения. При Л. Брежневе многолетнее руководство республикой представителем коренного народа было характерно не только для Казахстана и Средней Азии, но и других республик Советского Союза.

Союзный центр осуществлял полное руководство республиками и контроль за ними, но степень свободы у их руководителей при Л. Брежневе была значительно выше, чем прежде. Это было связано с тем, что Л. Брежнев предоставил республиканским лидерам свободу в назначении кадров [13]. Д. Кунаев как коммунистический лидер Казахстана руководствовался в своей политике принципами интернационализма. В частности, в кадровой политике он опирался на практику этнического равновесия (если руководитель – русский, то его заместитель – казах, и наоборот).

В то же время, пользуясь правом назначения кадров, Д. Кунаев постепенно менял кадровый баланс в центре и областях в сторону казахов. Это означало, с другой стороны, что Д. Кунаев умело использовал возникший и утверждавшийся при нем социальный контракт казахов и русских с целью закрепления позиций казахов в политико-административной сфере и, вместе с тем, еще больше укреплял в сознании людей этот контракт. С помощью этого контракта, на основе укрепления позиций казахов в политико-административной сфере, изменялась ситуация в пользу казахов в таких сферах, как образование, наука, искусство, торговля и других.

В культурно-языковой сфере в эти годы наблюдалось полное доминирование русского языка и культуры. Политика русификации казахов и других нерусских народов Казахстана

продолжалась на протяжении всего советского периода. Это был очень важный элемент советской национальной политики, который осуществлялся под сенью лозунгов интернационализма, «расцвета и сближения наций», «советский народ – новая историческая общность людей».

В числе наиболее русифицированных народов Советского Союза находились казахи. Это обстоятельство в значительной мере облегчало казахам соблюдение негласного социального контракта с русскими, не создавало у них ощущения ущемленности в языковой коммуникации не только в контактах с русскими и другими этническими группами, но и, что не менее важно, в отношениях между собой. Для казахов, в первую очередь городских, было и до сих пор остается естественным общаться между собой на русском языке.

Значение подобного социального контракта для межэтнической стабильности в полиэтничном и поликультурном обществе состоит в том, что он разводит доминирование этнических групп по различным сферам социального бытия. Каждый из этносов в таком обществе имеет свою сферу доминирования и не претендует на доминирование в той сфере, где господствует другой этнос. Если бы этнические группы конкурировали в одной сфере, что очень часто случается в современном мире, то они неизбежно впадали бы в конфликт между собой, борясь за доминирование в этой сфере и требуя подчинения другой группы. Социальный же контракт позволяет этносам делить в обществе сферы влияния и, тем самым, избегать конкуренции между собой и конфликта.

Обретение Казахстаном независимости привнесло новые элементы в отношения казахов и русских, следовательно, в социальный контракт между ними, но в целом оставило неизменным его основное содержание – разделение сфер влияния: политической – за казахами, культурно-языковой – за русскими. Благодаря этому, по нашему мнению, в постсоветском Казахстане сохраняется межэтническая стабильность, а социальный контракт является фундаментом национальной политики государства, ставящей своей основной целью формирование гражданской нации.

Характеризуя доминирование казахов в политической системе суверенного Казахстана, можно сказать, что относительное доминирование советского времени по принципу «первые среди равных» сменилось на полное, ни с кем не разделяемое господство казахов в политическом и государственном аппарате. Казахи составляют абсолютное большинство в органах власти. Их представленность во власти непропорционально выше доли казахов в общем населении Казахстана. Немногочисленные русские и представители других этносов в центральных органах государства и его областях абсолютно лояльны своим казахским начальникам и не являются выразителями интересов своих этносов во власти.

Такое положение стало возможным в результате того, что клановость, персонализм на всех социальных уровнях, неформальные отношения, получившие толчок и расцветшие в условиях относительной свободы от Москвы при Д. Кунаеве, приобрели абсолютное значение при формировании политической элиты и кадровой политики в условиях полной свободы действий при Н. Назарбаеве. Если Д. Кунаев должен был соблюдать этническое равновесие в кадровой политике, то у Н. Назарбаева такого ограничителя при выборе людей во власть уже нет.

В культурно-языковой сфере Казахстана сохраняется доминирование русского языка, хотя казахский язык по Конституции РК поднят по своему статусу до уровня государственного языка и должен был бы в связи с этим заменить русский язык в государственном управлении и повседневном общении людей. Русское доминирование в культурно-языковой сфере с советского времени сохраняется, хотя социально-политические условия в Казахстане принципиально изменились.

С точки зрения поддержания социального контракта важное значение имеет отношение казахов к доминированию русского языка. В целом казахи это доминирование признают, но не все с ним согласны. Сегодня согласие с доминированием русского языка среди казахов носит секторальный характер. Для сельских казахов и сегодняшних мигрантов из села в город, для которых казахский язык является главным средством вербальной коммуникации, доминирование русского языка в Казахстане является

неприемлемым. Казахские национал-патриоты, выступающие от лица этой социальной группы, активно требуют от власти отменить статью Конституции, утверждающую статус русского языка как используемого наравне с казахским языком в государственных органах и органах местного самоуправления.

Другой сектор казахского этнического сообщества – городские казахи, родившиеся и выросшие в русскоязычной среде и для которых русский язык является главным и естественным средством коммуникации, согласны в той или иной мере с доминирующим положением русского языка в Казахстане. Таким образом, в вопросе отношения к доминированию русского языка в Казахстане внутри казахского народа сегодня имеется очевидное несогласие и даже противоречие. Как будет решаться это противоречие, сегодня сказать трудно.

С точки зрения социального контракта наиболее важным является то, что реальное доминирование русского языка в Казахстане признает государство, и на этом контракте, как было сказано, строит свою национальную политику с ее ярко выраженной направленностью на поддержание межэтнической стабильности, недопущение в какой бы то ни было форме этнических конфликтов.

Наконец, с точки зрения социального контракта и межэтнической стабильности доминирование русского языка имеет важное значение для самих русских, не собирающихся переходить на казахский язык. Это доминирование сохраняет русским культурно-языковой комфорт, и на этой основе позволяет им решать свои жизненные проблемы. Русские, не зная казахского языка и не испытывая в этом потребности, способны получать в Казахстане образование на своем языке вплоть до высшего. Не имея необходимых клановых связей и потому не имея в современных условиях доступа к государственной службе, русские используют свои технические навыки и другие модернизационные преимущества для создания собственного бизнеса или включения в уже существующий бизнес и, как правило, преуспевая в этом, обеспечивают себе и своим семьям необходимый, достаточно высокий уровень материального благосостояния. Возможно, в высшем классе Казахстана русских мало, но их доля велика

в среднем классе, что дает им ощущение успеха, достигнутого собственным трудом, а не благодаря связям и другим неформальным отношениям. Психологический фон такого рода очень важен для поддержания межэтнической стабильности в этнически разделенном обществе, каковым является Казахстан.

Завершая статью, мы хотели бы сказать, что социальный контракт между казахами и русскими, в соответствии с которым два главных этноса Казахстана еще с советских времен разделили между собой сферы влияния и доминирования, стал одной из главных причин межэтнической стабильности как в советский период, так и в эпоху независимости.

Литература

1. *Кнут Воллебек*. Важно и далее укреплять роль АНК // Казахстанская правда. – 2010, 26 октября.

2. *Brubaker, Rogers*. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 148–178.

3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 206–207.

4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – С. 207.

5. Всесоюзная перепись населения. – М.: Статистика, 1990.

6. *Kolsto, P* (ed.). Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan. – Boulder (Col.): Westview Press, 1999.

7. *Kolsto, P* (ed.). Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. – P. 5.

8. *Ibid.*

9. *Празаускас А.А.* Многонациональные общества. – В кн.: Этнос и политика: Хрестоматия / Авт. - сост. А.А. Празаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 181.

10. *Horowitz, D.* Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. 136.

11. Нурсултан Назарбаев: Великий путь пройдем в единстве // Казахстанская правда. – 2008, 3 июня.

12. *Horowitz, D.* Ethnic Groups in Conflict. – P. 138.

13. *Isaacs, R.* Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. – London and New York: Routledge, 2011. – P. 51.